

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мизева Александра Вячеславовича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части 1 статьи 29 Федерального закона «О полиции» и пунктом 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

город Санкт-Петербург

5 июня 2014 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, Н.В.Селезнева, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

заслушав заключение судьи А.Н.Кокотова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина А.В.Мизева,

у с т а н о в и л :

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации гражданин А.В.Мизев оспаривает конституционность следующих законоположений:

пункта 3 части 1 статьи 29 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции», согласно которому сотрудник полиции не может находиться на службе в полиции в случае прекращения в отношении его уголовного преследования за истечением срока давности, в связи с примирением сторон, вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием;

пункта 7 части 3 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», согласно которому контракт о прохождении службы в органах внутренних дел подлежит расторжению, а сотрудник органов внутренних дел увольнению со службы в органах внутренних дел в связи с осуждением сотрудника за преступление, а также в связи с прекращением в отношении сотрудника уголовного преследования за истечением срока давности, в связи с примирением сторон, вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием.

Как следует из представленных материалов, приказом начальника межмуниципального отдела МВД России «Кочевский» от 18 октября 2013 года А.В.Мизев был уволен из органов внутренних дел с должности старшего оперуполномоченного группы уголовного розыска пункта полиции на том основании, что в июне 2000 года в отношении него было прекращено уголовное дело публичного обвинения, возбужденное по признакам преступления, предусмотренного частью первой статьи 264 УК Российской Федерации, в связи с примирением сторон на основании статьи 9 УПК РСФСР.

Решением Косинского районного суда Пермского края от 21 ноября 2013 года, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Пермского краевого суда от 21 января 2014 года, А.В.Мизеву отказано в признании увольнения незаконным, восстановлении на службе и взыскании заработной платы за время вынужденного прогула.

По мнению заявителя, оспариваемые нормы не соответствуют статьям 37 (часть 1), 45, 46 (части 1 и 2), 54 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой ими вводится безусловный и бессрочный запрет на прохождение службы в органах внутренних дел для лиц, уголовное преследование в отношении которых было прекращено по нереабилитирующим основаниям (в частности, в связи с примирением сторон), не предусматривая при этом необходимости учета вида и степени тяжести совершенного преступления, срока, прошедшего с момента его совершения, формы вины, обстоятельств, характеризующих личность, поведение лица после совершения преступления, отношение к исполнению служебных обязанностей. Тем самым, по его утверждению, несоразмерно ограничивается право таких лиц на свободное распоряжение своими способностями к труду и нарушается баланс конституционно значимых ценностей.

Кроме того, заявитель усматривает нарушение своих конституционных прав в том, что оспариваемые положения по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, допускают увольнение сотрудника органов внутренних дел в связи с прекращением в отношении него уголовного преследования несмотря на то, что отсутствуют какие-либо документы, прежде всего постановление о прекращении уголовного дела, подтверждающие данное обстоятельство (апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Пермского краевого суда от 21 января 2014 года констатирован факт уничтожения прекращенного уголовного дела в отношении А.В.Мизева).

2. По смыслу статьи 37 (часть 1) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 32 (часть 4), 72 (пункт «б» части 1) и 114 (пункт «е» части 1), служба в органах внутренних дел Российской Федерации, в том числе служба в полиции, посредством прохождения которой граждане реализуют свое право на труд, представляет собой особый вид государственной службы, непосредственно связанной с обеспечением

общественного порядка, законности, прав и свобод граждан и, следовательно, осуществляемой в публичных интересах.

Лица, которые проходят службу в органах внутренних дел, выполняют конституционно значимые функции, чем обуславливается их специальный правовой статус (совокупность прав и свобод, гарантируемых государством, а также обязанностей и ответственности), содержание и характер обязанностей государства по отношению к ним и их обязанности по отношению к государству (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2002 года № 17-П, от 15 июля 2009 года № 13-П и от 21 марта 2014 года № 7-П).

Законодатель, определяя правовой статус сотрудников, проходящих службу в органах внутренних дел, вправе устанавливать для этой категории граждан особые требования и особые обязанности, обусловленные задачами, принципами организации и функционирования органов внутренних дел, а также специфическим характером деятельности указанных лиц (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июня 1995 года № 7-П, от 18 марта 2004 года № 6-П, от 21 марта 2014 года № 7-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2004 года № 460-О, от 16 апреля 2009 года № 566-О-О и от 25 ноября 2010 года № 1547-О-О).

Граждане, добровольно избирая такого рода деятельность, в свою очередь, соглашаются с ограничениями, которые обуславливаются приобретаемым ими правовым статусом, а потому установление особых правил прохождения государственной службы, включая правоохранительную службу, и требований к избравшим ее лицам само по себе не может рассматриваться как нарушение закрепленных статьями 32 (часть 4) и 37 (часть 1) Конституции Российской Федерации права на равный доступ к государственной службе и права свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию.

2.1. Правило о том, что сотрудник полиции не может находиться на службе в полиции в случае прекращения в отношении его уголовного

преследования за истечением срока давности, в связи с примирением сторон, вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием (пункт 3 части 1 статьи 29 Федерального закона «О полиции»), введено с целью комплектования правоохранительных органов лицами, имеющими высокие морально-нравственные качества, обладающими профессиональным правосознанием и не допускающими нарушения закона, а потому способными надлежащим образом выполнять принятые ими на себя обязательства по защите прав и свобод человека и гражданина, соблюдению положений Конституции Российской Федерации, обеспечению безопасности, законности и правопорядка. Соответственно, сотрудники, не отвечающие указанным требованиям, с учетом характера их проступков и обстоятельств их совершения увольняются со службы в органах внутренних дел по основаниям, закрепленным Федеральным законом «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Устанавливая правовое регулирование, предусматривающее запреты и ограничения, законодатель в целях их компенсации определяет гарантии, предоставляемые сотрудникам органов внутренних дел на основании Федерального закона «О полиции», Федерального закона от 19 июля 2011 года № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и других нормативных правовых актов. Наряду с денежным довольствием, размер которого был существенно увеличен, предусмотрены пособия и другие денежные выплаты в связи с прохождением службы в органах внутренних дел и увольнением со службы, жилищное обеспечение, медицинская помощь в медицинских организациях федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, санаторно-курортное лечение, обязательное государственное страхование жизни и здоровья и т.д.

Тем самым – с учетом государственной и общественной значимости осуществляемой сотрудниками органов внутренних дел профессиональной

деятельности – обеспечивается баланс публичных и частных интересов при создании эффективно функционирующей системы органов внутренних дел.

Таким образом, само по себе правовое регулирование, установленное оспариваемыми А.В.Мизевым нормами, не может рассматриваться как нарушающее конституционные права сотрудников органов внутренних дел.

2.2. Законодательство, закрепляющее правила поступления на службу в органы внутренних дел и увольнения со службы, на протяжении ряда лет претерпевало изменения и реформировалось с учетом преобразований, происходивших в Российской Федерации, которая, будучи в соответствии с Конституцией Российской Федерации демократическим правовым государством, обязанным признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина на основе принципов верховенства права и правовой демократии (статья 1, часть 1; статья 2; статья 7, часть 1), предпринимает значительные усилия для совершенствования правоохранительных органов в целях укрепления их кадрового состава и улучшения их деятельности.

Так, в 2000 году, когда в отношении заявителя было прекращено уголовное дело публичного обвинения, Закон Российской Федерации от 18 апреля 1991 года № 1026-І «О милиции» запрещал прием на службу в милицию граждан, имеющих или имевших судимость (часть вторая статьи 19), и предусматривал возможность увольнения сотрудника милиции со службы в связи с вступлением в силу обвинительного приговора суда (пункт «н» части шестой статьи 19). Аналогичные требования содержались и в Положении о службе в органах внутренних дел Российской Федерации (утверждено Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 23 декабря 1992 года № 4202-І). Такое регулирование позволило сохранить служебные отношения с А.В.Мизевым после того, как уголовное преследование в отношении него было прекращено, поскольку не устанавливало непосредственного запрета на прохождение службы в органах

внутренних дел лиц, в отношении которых уголовное преследование было прекращено по нереабилитирующим основаниям.

Однако в связи со вступлением в силу Федерального закона от 22 июля 2010 года № 157-ФЗ «О внесении изменений в статью 19 Закона Российской Федерации «О милиции» и Постановление Верховного Совета Российской Федерации «Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации» указанные нормы были изложены в новой редакции: часть вторая статьи 19 Закона Российской Федерации «О милиции» закрепила запрет приема на службу граждан, в отношении которых прекращено уголовное преследование за истечением срока давности, в связи с примирением сторон (за исключением уголовных дел частного обвинения), вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием, а пункт «н» части седьмой той же статьи предусмотрел возможность увольнения сотрудников милиции со службы в указанных случаях. Соответствующие нормы были внесены и в Положение о службе в органах внутренних дел Российской Федерации.

Таким образом, с 6 августа 2010 года (дата вступления в силу Федерального закона от 22 июля 2010 года № 157-ФЗ) запрещался прием на службу в органы внутренних дел лиц, в отношении которых уголовное преследование по делам публичного обвинения было прекращено вследствие примирения сторон, и устанавливалась возможность увольнения таких лиц со службы.

Данное регулирование, хотя оно непосредственно и не предусматривало обязательность увольнения сотрудников со службы при наступлении указанных обстоятельств, не предполагало, тем не менее, продолжения ими службы, поскольку в противном случае сотрудники органов внутренних дел ставились бы в привилегированное положение по сравнению с лицами, желающими поступить на службу, но не имеющими права на ее прохождение по названным причинам, и нарушались бы конституционные принципы равенства и справедливости, не достигалась бы

установленная при введении соответствующих правоограничений цель комплектования органов внутренних дел лицами, имеющими высокие нравственные качества.

Федеральный закон «О полиции», в первоначальной редакции вступивший в силу 1 марта 2011 года и направленный на комплексное решение задач по устранению несогласованности норм и пробелов, содержащихся в различных нормативных правовых актах Российской Федерации, регламентирующих деятельность милиции, а также создание условий для функционирования полиции в целях защиты прав и свобод человека и гражданина в соответствии с международными стандартами, в пункте 3 части 1 статьи 29 закрепил, что сотрудник не может находиться на службе в полиции, если в отношении него уголовное дело прекращено в связи с примирением сторон. Это согласовывалось с частью 3 статьи 35 того же Федерального закона, согласно которой гражданин Российской Федерации в указанном случае не мог быть принят на службу. Пунктом 13 части 1 статьи 40 устанавливалась обязательность увольнения сотрудника полиции со службы в том случае, если уголовное преследование в отношении него было прекращено в связи с примирением сторон (за исключением уголовных дел частного обвинения).

Указанные нормы, находящиеся в системной взаимосвязи, предполагали, что лица, которые не отвечают повышенным репутационным требованиям, установленным для сотрудников органов внутренних дел, не должны находиться на службе в полиции.

Такое правовое регулирование не предполагало учет мнения сторон соответствующих правоотношений и в отличие от ранее действовавшего Закона Российской Федерации «О милиции» ставило сотрудников полиции, уголовное преследование которых по делам публичного обвинения прекращено, в равные условия, а также позволяло сотруднику полиции предвидеть последствия совершенного деяния и процессуальной позиции, занимаемой им при осуществлении в отношении него уголовного преследования.

С 1 января 2012 года вступил в силу Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», что повлекло признание статьи 40 Федерального закона «О полиции» утратившей силу. Принятый законодательный акт закрепил правило о том, что контракт о службе в органах внутренних дел подлежит расторжению, а сотрудник – увольнению со службы в органах внутренних дел, если уголовное преследование в отношении него прекращено в связи с примирением сторон (пункт 7 части 3 статьи 82).

Поскольку правовое регулирование прекращения службы в органах внутренних дел и поступления на службу в соответствии с Федеральным законом «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» осуществляется на основе единых принципов, положение части 5 его статьи 17 предусматривает, что гражданин не может быть принят на службу в органы внутренних дел, в том числе в случаях, предусмотренных частью 1 статьи 29 Федерального закона «О полиции». Это означает, что в силу действующих законодательных актов о службе в органах внутренних дел (в том числе о службе в полиции) на службу не может быть принято (а проходящее службу – подлежит увольнению) лицо, в отношении которого прекращено уголовное преследование в связи с примирением с потерпевшим.

Таким образом, установление более жестких требований при отборе лиц, поступающих на службу в органы внутренних дел, равно как и закрепление особых оснований увольнения со службы для тех сотрудников, в отношении которых уголовные дела прекращены по нереабилитирующим основаниям, было осуществлено законодателем еще до вступления в силу оспариваемых А.В.Мизевым норм. С учетом этого нет оснований полагать, что действующее в настоящее время правовое регулирование, в частности положения Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», закрепляющие возможность увольнения со

службы лиц, в отношении которых прекращены уголовные дела публичного обвинения, ухудшило положение заявителя, который после вступления в силу Федерального закона «О полиции» в связи с указанным обстоятельством не мог быть принят на службу в полицию в силу части 1 статьи 29 данного Федерального закона.

Этот вывод не может рассматриваться как не согласующийся с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной им в Постановлении от 21 марта 2014 года № 7-П, которым положение пункта 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» было признано не соответствующим статьям 19 (части 1 и 2), 37 (часть 1), 45, 46 (части 1 и 2), 49 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, поскольку неконституционность данной нормы была констатирована лишь в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования она предполагает обязательное и безусловное расторжение контракта о прохождении службы с сотрудником органов внутренних дел и увольнение его со службы, если в отношении него уголовное преследование прекращено в связи с примирением сторон до вступления данного законоположения в силу исключительно по делам частного обвинения.

Оценка же правомерности назначения заявителя в октябре 2011 года на должность старшего оперуполномоченного группы уголовного розыска пункта полиции с учетом действовавших на тот момент законодательных положений, а равно проверка законности и обоснованности принятых при его увольнении правоприменительных решений, в том числе с учетом того, что уголовное дело в отношении А.В.Мизева было уничтожено в связи с истечением срока его хранения, не относится к полномочиям Конституционного Суда Российской Федерации, как они определены в статье 125 Конституции Российской Федерации и статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 части первой статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Признать жалобу гражданина Мизева Александра Вячеславовича не подлежащей дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявителем вопроса не требуется вынесение предусмотренного статьей 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации

В.Д.Зорькин

№ 1211-О

**Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации
А.Н.Кокотова**

Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 5 июня 2014 года № 1211-О отказал в принятии к рассмотрению жалобы гражданина А.В.Мизева на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части 1 статьи 29 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» и пунктом 7 части 3 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», посчитав, что жалоба не подлежит рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации. Не разделяя такую позицию Конституционного Суда

Российской Федерации, представляю нижеследующее мнение (статья 76 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Прекращение уголовного преследования сотрудника органов внутренних дел, в том числе сотрудника полиции, в связи с примирением сторон введено оспариваемым регулированием в качестве самостоятельного основания обязательного расторжения контракта с сотрудником органов внутренних дел и его увольнения со службы с 1 марта 2011 года, а по делам частного обвинения – с 1 января 2012 года. При этом расторжение контракта с сотрудником органов внутренних дел и его увольнение со службы производится независимо от того, когда в отношении него имело место прекращение уголовного преследования в связи с примирением сторон – до или после указанных дат. Последствием названного обязательного увольнения сотрудника органов внутренних дел является безусловный и бессрочный запрет для него на службу в органах внутренних дел.

Так, гражданин А.В.Мизев был уволен из органов полиции 18 октября 2013 года на том основании, что в июне 2000 года в отношении него было прекращено в связи с примирением сторон уголовное дело, возбужденное в порядке публичного обвинения по признакам преступления, предусмотренного частью первой статьи 264 УК Российской Федерации «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств», относящегося к неосторожным преступлениям небольшой тяжести. Таким образом, заявитель был уволен со службы в связи с прекращением в отношении него уголовного преследования, имевшего место за тринадцать лет до увольнения.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что многие годы после прекращения уголовного преследования заявителя факт такого прекращения не являлся основанием для увольнения сотрудника органов внутренних дел. При этом инкриминировавшееся заявителю деяние могло в установленном законом порядке, несмотря на прекращение его

уголовного преследования, повлечь его увольнение со службы по иным основаниям, например, предусмотренным законодательством о дисциплинарной ответственности. Однако этого не произошло, что заставляет предположить об отсутствии названных оснований. Да и после прекращения уголовного преследования заявитель, надо полагать, не давал повода для увольнения и, кстати сказать, успешно прошел внеочередную аттестацию в соответствии с частью 3 статьи 54 Федерального закона «О полиции». Это притом что аттестационная комиссия вывод о соответствии или несоответствии аттестуемого сотрудника занимаемой должности должна была делать на основе всестороннего и объективного изучения его деловых, нравственных и личных качеств, оценки его отношения к выполнению служебных обязанностей, что предполагало и учет обстоятельств, связанных с уголовным преследованием аттестуемого сотрудника в прошлом.

Очевидно, что до вступления в силу оспариваемого регулирования заявитель, как и любой другой сотрудник органов внутренних дел, согласившийся на прекращение его уголовного преследования в связи с примирением сторон, не мог предвидеть последствий процессуальной позиции, которую он занимал во время производства по уголовному делу, для своей будущей служебной деятельности. Это обстоятельство уже само по себе требовало от Конституционного Суда Российской Федерации проверить в процедуре конституционного судопроизводства, не ставит ли оспариваемое регулирование сотрудника органов внутренних дел, уголовное преследование которого прекращено в связи с примирением сторон до вступления названного регулирования в силу, в неравное положение с сотрудниками органов внутренних дел, привлекаемыми к уголовной ответственности по делам, прекращение которых допустимо в связи с примирением сторон, после вступления оспариваемого регулирования в силу.

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 21 марта 2014 года № 7-П нашел оспариваемый и гражданином

А.В.Мизевым пункт 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» противоречащим Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 37 (часть 1) и 55 (часть 3), поскольку он ставит сотрудника органов внутренних дел, уголовное преследование которого по делу частного обвинения прекращено в связи с примирением сторон до вступления в силу оспариваемого законоположения, в неравное положение с сотрудниками органов внутренних дел, привлекаемыми к уголовной ответственности по делам, прекращение которых допустимо в связи с примирением сторон, после вступления оспариваемого законоположения в силу.

В деле по жалобе гражданина А.В.Мизева, следовательно, требовалась проверка допустимости распространения данной позиции Конституционного Суда Российской Федерации, касающейся только дел частного обвинения, на случаи прекращения в отношении сотрудников органов внутренних дел уголовного преследования по делам публичного обвинения в связи с примирением сторон. Однако такая проверка предполагала принятие жалобы заявителя к рассмотрению.

Конечно, прекращение уголовного преследования сотрудников органов внутренних дел в связи с примирением сторон по делам публичного обвинения отличается от такого прекращения по делам частного обвинения, что задано большей опасностью, с точки зрения законодателя, преступлений, уголовное преследование по которым осуществляется в порядке публичного обвинения. Но это обстоятельство вовсе однозначно не исключает допустимость распространения правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной им в Постановлении от 21 марта 2014 года № 7-П, к примеру, на случаи прекращения в отношении сотрудников органов внутренних дел уголовного преследования по делам публичного обвинения о преступлениях небольшой тяжести в связи с примирением

сторон, имевшие место до вступления в силу оспариваемого регулирования (как в деле заявителя).

Конституционному Суду Российской Федерации следовало проверить, не является ли заданный оспариваемым регулированием бессрочный и безусловный запрет на службу в органах внутренних дел сотрудников, в отношении которых уголовное преследование по делам публичного обвинения о преступлениях небольшой тяжести прекращено до вступления в силу оспариваемого регулирования, чрезмерным ограничением конституционных прав сотрудников органов внутренних дел, нарушающим баланс конституционных ценностей справедливости, общественной и государственной безопасности, стабильности, доверия граждан к действиям и решениям государства, приоритета прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, оспоренные А.В.Мизевым законоположения, примененные судами в его деле, вызывают сомнение в их конституционности, затрагивают конституционные права заявителя; поэтому жалоба А.В.Мизева отвечает критерию допустимости (статья 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»). Отсутствуют и другие основания для отказа в принятии обращения к рассмотрению, в связи с чем жалобу заявителя следовало принять к рассмотрению (статьи 42 и 43 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»).